

В. ЗЕНЗИНОВ

ВСТРЕЧА С РОССИЕЙ

**КАК И ЧЕМ ЖИВУТ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ
ПИСЬМА В КРАСНУЮ АРМИЮ
1939-1940**

Москва
Издательский проект ЧтецЪ
2019

Зензинов, В.

Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную армию. 1939-1940. М. : Издательский проект ЧтецЪ, 2019. — X, 587 с.

Издательский проект ЧтецЪ — это издание малотиражных, давно забытых и редких книг русского зарубежья. Проект предназначен специалистам по литературе и истории русской эмиграции, а также ценителям редкой книги. По любым вопросам, связанным с изданием книг обращайтесь по электронной почте: order@4tets.ru. Полный каталог доступен по адресу www.outofprint.ru.

© Чтецъ, 2019

© А. Мартынов «Письма в контексте эпохи», 2019

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА *

Владимир Михайлович Зензинов родился в Москве, в ноябре 1880 г. По окончании Московской классической гимназии (1899) для получения высшего образования он отбыл в Германию, где четыре с половиной года учился в университетах Берлина, Галле и Гейдельберга, занимаясь философией, экономикой, историей и правом. Увлечение еще в гимназические годы освободительными идеями 1860-70-х гг. окрепло после знакомства с кругами революционной эмиграции в Швейцарии, что привело к вступлению в партию социалистов-революционеров. В январе 1904 г. Зензинов вернулся в Москву, а уже через год, в ночь на 9 января 1905 г., во время массовых задержаний, был арестован и после шестимесячного пребывания в Таганской тюрьме приговорен к административной ссылке в Восточную Сибирь на пять лет. Однако из-за Русско-японской войны в это время этапное движение в Сибирь не выполнялось, и ссылка Зензинова была заменена поселением в Архангельской губернии, откуда он бежал уже в день прибытия на место. После бегства ему удалось выбраться за границу и в августе 1905 г. Зензинов прибыл в Женеву, где его застала новость о Манифесте 17 октября 1905 г. Тут же он едет в Петербург, где в январе 1906-го вступает в Боевую Организацию партии с.-р. Но в этой организации Зензинов пробыл недолго и весной в качестве представителя Центрального Комитета партии с.-р. выезжает на крестьянскую работу в Киевскую и Черниговскую губернии. Его работа в деревне была прервана разгоном Первой Государственной Думы (9 июля 1906 г.). Спешно вернувшись в Петербург, Зензинов вновь арестован в сентябре того же года и приговорен к административной ссылке в Восточную Сибирь на пять лет. В этот раз он отправлен туда этапом и через год, летом 1907-го с партией других арестованных прибывает в Якутск. Отсюда почти незамедлительно он вновь бежит и под видом золотопромышленника через тайгу пробирается в Охотск (от Якутска до Охотска 1500 верст), далее на японской рыбацкой шкуне выезжает в Японию,

* По кн.: Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк. Издательство им. Чехова. 1953. С.3-5.

а затем на пароходе через Шанхай, Гонконг, Сингапур, Коломбо и Суэцкий канал возвращается в 1907 году в Европу.

В мае 1910 года Зензинов снова арестован в Петербурге и после шестимесячного заключения в Петропавловской крепости препровожден в Якутскую область — на этот раз в края, откуда никакой побег не был возможен — на побережье Ледовитого океана, в устье реки Индигирки, в 3000 верст к северу от Якутска. Годы на крайнем севере, в Русском Устье, Верхоянске и Булуне (низовья Лены), прошли в занятиях этнографией и орнитологией, результатом чего явились несколько книг, давших новые сведения об этом далеком, малоизвестном и интересном крае: «Старинные люди у холодного океана» (М., 1914), «Очерки торговли на севере Якутской области» (М., 1916), «Русское Устье» (Берлин, 1921), "The Road to Oblivion" (New York, 1931), "Chemin de l'Oubli" (Paris, 1932). В 1915 г. Зензинов возвращается в Москву после отбытия ссылки. С января 1917 по январь 1918 гг. он живет в Петербурге, где становится свидетелем и активным участником бурных революционных событий, а также избран членом Учредительного Собрания.

Летом 1918-го Зензинов выезжает на Волгу, где тогда собирались противобольшевистские силы, и входит в Комитет членов Учредительного Собрания в Самаре, который ведет вооруженную борьбу с большевиками. На Государственном Совещании в Уфе, в сентябре 1918 года, он избран во Временное Всероссийское Правительство («Директория»). В ноябре 1918 г., после военного переворота в Омске, вместе со своими коллегами по правительству Зензинов выслан адмиралом Колчаком из Сибири в Китай. Оттуда он выезжает в США и в январе 1919-го прибывает в Париж. С 1919 по 1939 гг. Зензинов жил попеременно в Париже, Праге и Берлине, где принимал участие в работе ряда демократических и социалистических газет и журналов («Воля России», «Голос России», «Дни», «Новая Россия», «Современные Записки»). В 1929 г. в парижском издательстве «Современные Записки» он выпускает книгу «Беспризорные» об ужасах голода в Советской России, впоследствии переведенную на четыре языка.

Во время Второй мировой войны (в 1939 г.) он выезжает в Финляндию для сбора материала о положении в Советском Союзе — результатом этой поездки явилась изданная им в Нью-Йорке в 1944 году книга «Встреча с Россией» (сборник собранных на полях сражений в Финляндии писем к красноармейцам от их родных). С 1940-го Зензинов проживал в Нью-Йорке, где и скончался 20 октября 1953 года.

БИБЛИОГРАФИЯ КНИГ В.М. ЗЕНЗИНОВА

1. Старинные люди у Холодного океана. — М.: Наука, 1914.
2. Очерки торговли на севере Якутской области. — М.: Наука, 1916.
3. Из жизни революционера. — Париж, 1919.
4. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г. — Сборник документов. — Париж, 1919.
5. Dallo zarismo al boiscsevismo. Ricordi d'un rivoluzionario russo. Prefazione di L. Bissolati. — Roma, 1920.
6. Ze zivota revolucionare. — Praha, 1921.
7. Русское Устье. — Берлин: Русское Универсальное Издательство, 1921.
8. Нена. — Берлин, 1925.
9. Die russische revolution. — Utrecht, 1926
10. Железный скрежет. Из американских впечатлений. — Париж, 1926.
11. Беспризорные. — Париж, 1929.
12. Les enfants abandonnés en Russie soviétique. — Paris, 1930.
13. Die Tragödie der verwaehrlosten Kinder Russlands. — Zürich-Leipzig, 1930.
14. The Road to Oblivion. — New York, 1931.
15. Le Chemin de l'Oubli. — Paris, 1932.
16. Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию. Нью-Йорк, 1944.
17. Au Pays du Fer et de l'Acier. — Paris, 1945.
18. Пережитое. — Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953.

ПИСЬМА В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

Завершение Гражданской войны в июле 1923 года (Якутский поход генерала Пепеляева) не было воспринято в эмиграции как окончательное поражение белых. «Отбоя не было... борьба *продолжается*» – писал генерального штаба генерал-майор Алексей фон Лампе.¹ Естественно, противостояние с коммунистическим режимом приняло иные формы, обусловленные изгнанием, а также новыми стратегиями, вызванными различными (зачастую прямо противоположными) политическими взглядами, которые исповедовали в Русском Зарубежье.

Впрочем, способов борьбы было немного: сохранение костяка Белой армии, сотрудничество со спецслужбами стран рассеяния, «активизм» (разведывательно-диверсионные акты) на территории Советского Союза...

Новые способы появились позднее, в середине – второй половине 30-х годов, когда СССР принял участие в ряде вооруженных конфликтов.

Так, в ходе Гражданской войны в Испании, русские добровольцы в составе армии генералиссимуса Франсиско Франко Баамонде сталкивались с советскими гражданами, сражавшимися на стороне лоялистов (республиканцев).²

Затем последовали вооруженные конфликты на озере Хасан и реке Халхин-Гол (инцидент у высоты Чжангуфэн и Номон-Ханский инцидент, согласно японской историографии) в ходе которых на стороне Токио также воевали русские эмигранты.³

Но наиболее полномасштабной «встречей» двух России, до начала Великой Отечественной войны, стала Советско-финляндская война (Зимняя война, согласно финской историографии). Тогда в отличие от предыдущих конфликтов в ходе боев была предпринята попытка формирования совместных отрядов

¹ Лампе А. А. Пути верных. Париж: б.м., 1960. С. 251.

² Семенов К. Русская эмиграция и гражданская война в Испании 1936 – 1939 гг. М.: Алгоритм, 2016.

³ См. воспоминания одного из участников боев: Яцевич А. Шумит тайга. Рио-де-Жанейро: Издание книжного магазина Александр Северинг, 1955. С. 62 – 69. Фрагменты под названием «Тайга шумит» печатались под псевдонимом Я. Александров в газете послевоенного объединения власовцев (СБОНР) Голос народа. Мюнхен. 27.01.52. Подробнее о деятельности изгнанников в ходе конфликта: Яковкин Е. В. Русские солдаты Квантунской армии. М.: Вече, 2014. С. 130 – 139; Смирнов С., Буяков А. Отряд Асано: русские эмигранты в вооруженных формированиях Маньчжоу-го (1938 – 1945). М.: Алгоритм, 2016. С. 88 – 92.

из эмигрантов и пленных красноармейцев,⁴ а сами изгнанники также получили доступ к многочисленным трофейным документам. Одним из них стал известный общественный и политический деятель Владимир Михайлович Зензинов (1880 – 1953), побывавший в Финляндии в качестве военного корреспондента «Новой России», «Последних новостей», “Le Petit Parisien” и “Le Temps”.

В отличие, например, от Испании, где немногочисленные эмигранты⁵ из России лишь спорадически встречались с военнопленными из России,⁶ Зензинов проинтервьюировал множество красноармейцев, прочитал 542 трофейных письма (в его книгу вошло 277) и 2 записных книжки. Он понимал ценность полученной информации, поэтому за свой счет опубликовал книгу на русском языке, где оговорил, что любые переиздания текста приветствуются. Одновременно, автор предпринял попытку перевода «Встречи» на французский и английские языки. В последнем случае к работе был привлечен Владимир Владимирович Набоков, выразивший живой интерес к сборнику. Автор «Защиты Лужина» писал: «Перевел для дорогого Зензинова партию писем, которые он отобрал у трупов русских солдат... Письма очень замечательные, и кажется, ему удастся их опубликовать».⁷ К сожалению, несмотря на положительные рецензии в англоязычной прессе, отмечавшие в числе прочего репрезентативность выборки,⁸ издание не состоялось, а вот русский вариант книги напротив оказался коммерчески востребованным: в первую неделю было продано 203 из 875 экземпляров.⁹

Чем интересны опубликованные Зензиновым письма?

Представляется, что наряду со «Смоленским архивом» областного комитета ВКП(б), захваченным вермахтом и в конце войны оказавшемся у союзников, это ценный источник

⁴ В Русскую народную армию вступило около 11% от общего числа военнопленных, составившего по разным подсчетам от 5 000 до 5 500 человек. *Сагайдаков А. С., Кипкеева М. Р.* Антисоветское движение во время «зимней войны» (1939 – 1940): генезис, формы проявления, итоги. Ставрополь: Издательство «Зебра», 2017. С. 51.

⁵ Численность русских, воевавших на стороне Франко, составила 127 человек. *Семенов К.* Русская эмиграция и гражданская война в Испании 1936 – 1939 гг. С. 142 – 151.

⁶ См. напр.: *Архимандрит Иоанн.* Свидание с советскими летчиками // *Семенов К.* Указ. соч. С. 241 – 246.

⁷ *Глушанок Г.* (ред.). Переписка В. В. Набокова с В. М. Зензиновым. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/pisma/letter-6.htm> (дата обращения 23.09.2018). См. также: *Набоков В.* Переписка с Михаилом Карповичем 1933 – 1959. М.: Литфакт, 2018. С. 70.

⁸ *Karpovich M.* Vstrecha s Rossiei: Kak i chem zhivut v Sovetskom Soyuze: Pis'ma v Krasnuyu Armii, 1939 – 1940. by V. Zenzinov // *The American Slavic and East European Review.* 1946. Vol. 5. P. 237.

⁹ *Глушанок Г.* (ред.). Указ. соч..

по исследованию настроений в Советском Союзе,¹⁰ поскольку опровергает миф об идейной поддержке населением коммунистического режима.

Зензинов неоднократно подчеркивал не только лояльность пленных в отношении финской военной администрации, но и готовность им помогать. Уже в ходе первого посещения лагеря автор обратил внимание, что красноармейцы на вопросы «отвечали немедленно, и, как будто, охотно. На лицах выражение внимания. Все производят впечатление дисциплинированности... Охотно вступали в разговор и еще более охотно разбирали папиросы».¹¹ Одновременно, пленные без возражений занимались установкой ограды из колючей проволоки вокруг собственного лагеря. Опрошенные не хотели писать домой, так как боялись навлечь репрессии по отношению к родственникам и «высказывались против коммунистов».¹² Последнее, косвенно, подтверждала и одна из двух трофейных записных книжек, принадлежавшая представителю комсостава Красной армии. В записи от 31.12.1939 он фиксировал как одну из проблем «трусость и оставление поля боя», а также «трусость и паникерство» в ходе разведок.¹³ Кроме того, в письмах упоминались серьезные бытовые проблемы: «нам жить нечим все опят обобрали всюд картофель такой плох как прошлом году... нету картофеля типер очен тяжело буд надо мясо сдать все подай»¹⁴ (вопросы политики в силу существования цензуры рассматривались, как правило, с точки зрения официальных трактовок).

Было бы ошибкой считать Зензинова объективным свидетелем. Тем не менее, отмеченные им факты и выводы подтверждаются иными источниками.¹⁵ Таким образом, «перед Европой неожиданно появились тысячи свидетелей, готовых рассказать о том, что в России происходит, как в России живут».¹⁶

Представляется, что приведенный Зензиновым комплекс источников подтверждает правильность одной из тенденций, характерных для советского общества и впервые предложенной американским историком и профессором Русского исследовательского

¹⁰ Часть материалов «Смоленского архива» опубликована. См.: *Максудов С.* Неуслышанные голоса. Документы Смоленского архива. Кулаки и партийцы. Ann Arbor: Ardis, 1987.

¹¹ *Зензинов В.* Встреча с Россией: Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную армию. 1939–1940. Нью-Йорк: б. и., 1944. С. 13.

¹² Там же. С. 15 – 16.

¹³ Там же. С. 171, 172.

¹⁴ Там же. С. 105. Публикатор сохранил особенности орфографии и пунктуации оригинала.

¹⁵ См. напр.: *Сагайдаков А. С., Кипкеева М. Р.* Указ. соч. С. 23 – 26, 57 – 58.

¹⁶ *Зензинов В.* Указ. соч. С. 11.

центра при Гарвардском университете Джорджем Фишером. Согласно ученому, советский тоталитаризм подавляет любые формы инициативы, что, в конечном счете, сказывается и на самосознании. Индивид полностью подчиняет свое поведение директивам вышестоящего начальства. «У обывателя инертность проявляется в виде аполитичности и пассивности, а у функционеров в оппортунизме и карьеризме».¹⁷ Советское общество приобрело «почти совершенную способность принаравливаться» к партийной линии.¹⁸

Хаос первого этапа войны, отсутствие директив при неспособности к самостоятельности мышления обрек Красную армию на поражение. Военнопленные и жители оккупированных территорий оказались в ситуации аномии (Э. Дюркгейм). Они вынуждены были искать новые политические авторитеты, в качестве которых выступила немецкая администрация. Поэтому «в 1941 году решающим фактором в поведении большинства советских людей были не политические убеждения “за” или “против” Сталина и даже не объективные военные факторы. Вместо них была инертность».¹⁹

По мнению Фишера, «стабилизация фронта в начале 1942 года, обусловленная восстановлением контроля Москвы», подчинение советским правительством социума были не только важнее отношения «германских завоевателей к советскому населению» или же «изменения коммунистами национальной политики», но и первичнее этих явлений, что привело к оттоку большей части коллаборантов от нацистов.²⁰

Следует сказать, что процесс, отмеченный Зензиновым и подробно описанный Фишером, оказался отложенным действием. Во второй половине 80-х годов вновь возобладали инертность, следствием которой стал распад Советского Союза. Все произошло строго по формуле Георга Вильгельма Фридриха Гегеля: история повторяется дважды – сначала в виде трагедии, а затем в виде фарса.

*Андрей Мартынов,
кандидат философских наук*

¹⁷ Fisher G. Soviet Opposition to Stalin. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1952. P. 7. В современной психологии и социологии понятию «инертность» соответствует термин «инфантилизм». Хотя в автобиографии «Две страсти» Фишер настаивал именно на термине «инертность». Фишер Д. Две страсти // Попов А. В. (ред.). В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции. М.: РГГУ, 1997. С. 185.

¹⁸ Fisher G. Ibid. P. 7.

¹⁹ Ibid. P. 7.

²⁰ Исключением из последнего описываемого процесса, согласно утверждению Фишера, как представляется, ошибочному, стали ВС КОНР. Fisher G. Ibid. P. 144.